

Овечка в волчьей шкуре

Автор:

Татьяна Полякова

Овечка в волчьей шкуре

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Любящий муж, спокойная жизнь – все есть у молодой женщины Анны Шульгиной. Но ее счастье длится совсем недолго. За ней начинается настоящая охота, и среди преследователей не только бандиты, но и... собственный муж, и родители. К удивлению Анны, она обнаруживает, что владеет английским и арабским. Но откуда все это – она не представляет, потому что после автокатастрофы совсем не помнит своего прошлого. Так кто же ты, Анна?..

Татьяна Полякова

Овечка в волчьей шкуре

Врач выглядел озадаченным.

– Когда вы попали в аварию? – спросил он, разглядывая рентгеновский снимок.

– Год назад, – сглотнув, ответила я. Наш разговор мне все больше и больше не нравился: что он увидел на этих снимках, не говорит, а вопросов задает слишком много. – Что-нибудь серьезное? – спросила я. Вышло это у меня как-то испуганно.

Он взглянул из-под очков и профессионально улыбнулся, затем накрыл мою ладонь своей и ласково сказал:

– Анна Ивановна, мы здесь для того, чтобы разобраться, почему вас мучают частые головные боли. После аварии вы лежали в больнице «Скорой помощи»?

– Да, то есть нет. Я действительно находилась в больнице «Скорой помощи», – злясь на саму себя, вздохнула я, – но в Екатеринбурге. В то время мы жили там. А сюда переехали уже после аварии.

– А медицинская карта у вас сохранилась?

– Нет. Видите ли, мы отправляли вещи железнодорожным контейнером, и он куда-то запропастился. А когда прибыл по назначению... в общем, все наши вещи исчезли. – Он смотрел на меня с сомнением, а я неожиданно покраснела, хотя говорила чистую правду, все так и было: именно по этой причине (я имею в виду пропавший контейнер) у нас с мужем не было не только медицинских карт, но даже ни одной старой фотографии, никаких дорогих сердцу безделушек, милых сувениров на память, которыми непременно обзаводится любая семья.

– Расскажите мне об этой аварии, – вдруг попросил врач, а я смутилась: ничего о самой аварии я не помнила, так же как и о том, что ей предшествовало. О двадцатичетырехлетнем периоде своей жизни я знала исключительно со слов мужа. Но посвящать в это сидящего напротив человека я не собиралась, он и так смотрел на меня с подозрением, точно я шпион, террорист или наемный убийца из сериалов. Впрочем, я скорее всего преувеличиваю и интерес его действительно профессиональный. Я вздохнула и неуверенно начала:

– Авария произошла год назад, в мае. Я возвращалась с работы, уже стемнело. Я сворачивала к своему дому и влетела в «КамАЗ», оставленный кем-то возле тротуара. Несколько дней находилась без сознания. Перенесла две операции. В общей сложности полгода провела в больнице. Извините, наверное, не это вас интересует, но в медицине я не сильна и...

Он кивнул и улыбнулся, как-то странно глядя на меня. Черт возьми, что он там увидел на этих снимках? Полчаса назад я вертела их в руках, усмехаясь и качая головой: не скажешь, что я выглядела красоткой. Однако ничего интересного на снимках я не обнаружила. Правда, я понятия не имела, как на рентгеновских снимках должна выглядеть здоровая голова, а как такая, как моя.

– Вы делали пластическую операцию? – спросил он, а я почувствовала мягкое беспокойство, точно что-то кольнуло в сердце. Почему меня так испугал его вопрос? Я не знаю, делали мне пластическую операцию или нет, зато точно помню свое ощущение, когда впервые после аварии посмотрела в зеркало. Такой же укол в сердце и странная тоска, будто вовсе не свое лицо я видела, будто мне поменяли тело... Конечно, это ужасная чепуха, Андрюша объяснял мне, что это результат стресса, есть даже специальный медицинский термин, только я его не запомнила. В конце концов, если я умудрилась забыть свое имя, почему бы мне не забыть, как я выглядела до того, как влетела в этот проклятый «КамАЗ»?

Тут я сообразила, что врач все еще вопросительно смотрит на меня, а свой вопрос он задал никак не меньше минуты назад.

– Извините, – пролепетала я и зачем-то соврала: – Мне действительно делали пластическую операцию, я ведь ударилась головой и на лице остались шрамы... – Какого черта я вру? Если он спрашивает об операции, то скорее всего неспроста, что-то он там увидел на этих снимках. Андрюша должен знать, была операция или нет... Как странно, что я ничего, совершенно ничего не помню. Когда я задумываюсь над этим, мне делается страшно и никакие медицинские термины не помогают. Бессчетное количество раз я пыталась вспомнить, я повторяла слово «мама», искренне надеясь, что увижу ее лицо перед своим мысленным взором, и ничего не видела, сплошная белая пелена. Когда мы говорили с мамой по телефону, я вслушивалась в ее голос и вновь пыталась представить ее лицо, но ничего не получалось. Видно, дела мои совсем плохи, иначе как еще объяснить такое?

Мои родители живут в Екатеринбурге. Весь месяц после аварии, пока я лежала в реанимации, они неотступно находились рядом. Затем меня перевели в клинику, в другой город (кстати, какой, я до сих пор не знаю), и родители вместе с Андрюшей сопровождали меня. Потом папа вернулся в Екатеринбург, чтобы продлить отпуск, и тут сказалось напряжение последних дней (я у родителей единственный ребенок), в дороге у него случился инфаркт. Его сняли с поезда на каком-то богом забытом полустанке, мама бросилась туда. Словом, когда я окончательно пришла в себя, мы с мамой так и не встретились: она не могла оставить отца, которому врачи рекомендовали покой (слава богу, чувствовал он себя неплохо), из санатория муж привез меня в этот город (Андрюшу перевели сюда из Екатеринбурга за два месяца до аварии). Одну меня он в Екатеринбург не отпускал, а с отпуском у него были проблемы. Впрочем, в августе он точно

возьмет отпуск и тогда мы поедем, а пока раз в неделю болтаем с мамой по телефону...

- Вас что-то мучает? - Еще один странный вопрос.

- Нет, почему? - испугалась я.

- Анна Ивановна, кроме частых головных болей, есть еще что-то?

- Что вы имеете в виду?

- Депрессия, сонливость?

- Нет, ничего такого... Я очень хочу ребенка, - брякнула я, глядя ему в глаза. - То есть я и мой муж, мы очень хотим ребенка. У меня были проблемы после аварии, я сейчас прохожу курс лечения у гинеколога, она интересовалась, как я себя чувствую, я пожаловалась на головные боли, и она направила меня к невропатологу, а он к вам.

- Да-да, я понял, - кивнул он. - Что ж, надеюсь, вы скоро станете мамой. - Улыбка у него вышла какой-то кривой, а я испугалась:

- Скажите, что со мной?

- В каком смысле? - поднял он брови.

- Это что, какая-то неизлечимая болезнь? Я могу умереть, да?

- К сожалению, мы все... как бы это выразиться... мы смертны, одним словом, но у вас столько же шансов дожить до глубокой старости, сколько у любого другого человека. Вы получили серьезную травму, а головные боли - ее последствие. Будем надеяться, что они пройдут. - Он стал что-то писать в моей карточке, затем заполнил рецепт и протянул мне. - Всего хорошего.

- До свидания. - Я покинула кабинет, занятая своими мыслями. В коридоре я взглянула на часы. Через двадцать минут у Андрюши обеденный перерыв - если я возьму такси, то успею перехватить его у проходной.

Я приехала даже раньше, устроилась на скамейке, откуда были хорошо видны массивные двери, достала зеркало, подкрасила губы, рука с губной помадой неожиданно замерла, а я со странным чувством принялась разглядывать свое лицо. Короткий нос, пухлые губы с красивым рисунком, едва заметная ямочка на подбородке, высокий лоб, большие глаза медового цвета с темными крапинами ближе к зрачку. Муж говорит, глаза у меня рысьи, наверное, так оно и есть... Длинные волосы, темные брови и ресницы, прибавьте довольно смуглую кожу, в начале лета она выглядит так, будто я только что вернулась с курорта в тропиках. Косметикой я не пользуюсь, у меня и так слишком яркое лицо. Слишком яркое, слишком правильное, слишком красивое... Стоп, о чем это я? Допустим, мне делали пластическую операцию. Ну и что? Допустим, немного подправили то, что было отпущено мне богом... Как я выглядела раньше, какой я была? Хотя бы раз увидеть свое лицо... Что за глупости, вот оно, мое лицо. Я даже толком не знаю, была пластическая операция или нет, и нечего фантазировать.

Я торопливо убрала зеркало и в тот же миг увидела своего мужа, он как раз выходил из дверей, замер на крыльце и быстро огляделся. Он всегда так делает. Когда я обратила на это его внимание, он засмеялся и сказал, что это профессиональное. В Екатеринбурге муж работал в спецподразделении по борьбе с организованной преступностью, а здесь устроился охранником в Горводоканале. Конечно, работа для него совершенно неподходящая, но он утверждал, что она ему нравится, а главное – график позволял нам много времени проводить вместе. Официального обеденного перерыва у него нет, поэтому он не приезжает домой, а обедает в кафе, прямо напротив Горводоканала. Сейчас он направился туда.

– Андрей! – окликнула я, он обернулся, а я бросилась ему навстречу.

Светлые, коротко стриженные волосы, крупные черты лица, темные очки. Казалось, лицо его высечено из гранита, впечатление усиливал высокий рост и сложение боксера-тяжеловеса (Андрей в самом деле занимался боксом, правда, довольно давно, он даже выиграл какое-то первенство. Жаль, что все его призы потерялись с тем контейнером). Андрей улыбнулся, увидев меня, снял очки, и лицо его мгновенно переменилось: ярко-синие глаза смотрели на меня с нежностью.

- Привет, малыш, - сказал он. - Ты откуда?

- Из больницы, - ответила я, хватая его за руку. - Пообедаем вместе?

Он торопливо взглянул на часы, а потом перевел взгляд на стоянку, где была наша машина.

- Давай-ка домой.

- Там только пельмени, - предупредила я. - Я с десяти утра в больнице и...

- Я обожаю пельмени, - кивнул он, и через пять минут мы уже выезжали на проспект. - Ты была у врача? - спросил он.

- Да.

- Есть новости?

- Пока нет... - Я неожиданно смутилась, отвела взгляд. Андрей повернулся, весело подмигнул и поцеловал меня в висок.

- Все будет хорошо, - сказал он уверенно.

- Врач то же самое говорит...

- Вот видишь.

Мы въехали во двор и вскоре тормозили у подъезда. Лифт не работал, бегом мы поднялись на второй этаж, Андрей распахнул дверь, втолкнул меня в прихожую и торопливо обнял.

- Я соскучился, - сказал он с улыбкой.

- А как же пельмени? - усмехнулась я.

- Ну их к черту...

- Андрюша, мне делали пластическую операцию? - спросила я, торопясь приготовить ему бутерброды. Он пил кофе из большой чашки, одновременно стараясь попасть ногой в ботинок.

- Что? - спросил он.

- После аварии мне делали пластическую операцию? - Голос мой дрогнул, и взгляд я отвела, хотя изо всех сил старалась, чтобы вопрос прозвучал как бы между прочим.

- Пластическую операцию? - Андрей выглядел озадаченным. - После операции у тебя на лице оставалось несколько шрамов, их убрали. Я не знаю, можно это назвать пластической операцией?

Он оставил в покое ботинок, вернулся в кухню, швырнул в мойку чашку и обнял меня за плечи.

- Почему ты спросила?

- Я очень изменилась после операции?

Он пристально смотрел мне в глаза, словно хотел прочитать мои мысли.

- Что случилось? - легонько потрянув меня за плечи, спросил он.

- Ничего, Андрюша, в самом деле ничего.

- Тогда откуда вдруг этот вопрос?

- Не знаю, - соврала я, неизвестно чего испугавшись. - Иногда мне кажется, это вовсе не мое лицо.

- Чепуха. Что значит - не твое?

- Ты не ответил на мой вопрос: я очень изменилась?

- Стала еще красивее, вот и все.

- Я очень изменилась? Поэтому у нас нет ни одной фотографии?

- О господи, Аня, у нас нет фотографий, потому что они были в контейнере, я тебе сто раз рассказывал...

- Извини, - пролепетала я. - Бутерброды готовы.

- К черту бутерброды. И что это за дурацкое «извини»?

- Я вижу, не стоило мне спрашивать... Пожалуйста, прости меня... Представляю, как тебе надоели мои вопросы и... - Слезы брызнули из моих глаз, и я пробормотала отчаянно: - Я ничего не помню. Я совершенно ничего не помню, так не бывает, Андрюша.

- Тихо, тихо, тихо, - зашептал он, прижимая меня к груди. - Ты все вспомнишь, это вопрос времени. Ты обязательно все вспомнишь. Ты говорила об этом с врачом?

- Я хотела, но... все это так по-киношному, точно мелодрама какая-то, я ничего ему не рассказала.

- Ему? Разве твой врач не женщина?

- Меня направили к травматологу, я пожаловалась на головные боли и... - Муж взглянул на часы.

- Подожди секунду. - Прошел к телефону, торопливо набрал номер. - Саша, подмени меня с обеда... да... жена плохо себя чувствует...

- Я хорошо себя чувствую, - вздохнула я, когда он вернулся в кухню.

– Да? Значит, я постараюсь, чтобы ты чувствовала себя еще лучше. – Он подхватил меня на руки и слегка подбросил, а я взвизгнула от неожиданности. – Я люблю тебя, – шепнул он. – Почему ты ничего не сказала мне об этом травматологе?

– Что о нем говорить? Жанна Ивановна направила меня к нему, а он стал расспрашивать меня об аварии.

– Когда направила?

– Вчера. Он принимал с одиннадцати. Я сразу же пошла. Мне сделали снимки.

– А это зачем? – Андрей опустил меня на диван и сам устроился рядом.

– Господи, Андрюша, он травматолог, как, скажи на милость, он еще может узнать, что там с моей головой?

– Послушай, детка, у тебя отличный врач, он вот уже полгода тебя наблюдает, а ты идешь к какому-то коновалу и даже не удосужилась поставить меня в известность.

– Он только пичкает меня таблетками и...

– А этот твой травматолог, он что, излечивает наложением рук?

– Ты опять сердишься, – испугалась я.

– Разумеется. Речь идет о твоём здоровье. Ты знаешь, что я пережил полгода затаянного кошмара. Если угодно, твоё здоровье – это мой пунктик. Почему бы тебе не считаться с этим?

– Я его боюсь, – совершенно неожиданно для себя заявила я.

– Кого? – опешил Андрей.

– Твоего Эдуарда Витальевича.

- Что значит - боишься? - Муж взял меня за подбородок, должно быть, с намерением заглянуть мне в глаза, но толку от этого было мало, я упорно отводила взгляд. - Что значит - боишься? - повторил он, теперь его голос звучал очень нежно. Я устроила голову на его плече и вздохнула.

- Просто боюсь, - ответила я, потому что он ждал моего ответа.

- Он что, сказал что-то такое...

- Нет-нет...

- Приставал к тебе?

- О господи, нет...

- Тогда что?

- Не знаю, Андрюша. Он так странно на меня смотрит, точно я муха под микроскопом.

- Все эти светила медицины немного чокнутые, не стоит обращать внимание. - По тому, как он это сказал, я поняла: муж успокоился, все, что я говорю, для него теперь не более чем капризы взбалмошной женщины. - Лучше всего послать всех врачей к чертям собачьим. По-моему, ты совершенно здорова. Разве нет?

- Конечно, - согласилась я. - Ты знаешь, почему я пошла в больницу...

- Послушай, детка. - Теперь он посадил меня к себе на колени и гладил по голове, точно я была несмышленным ребенком. - Я очень люблю тебя, и мне кажется... нам ведь хорошо вдвоем, верно? - Я кивнула, пряча глаза, но не выдержала и спросила:

- У меня не будет детей? Никогда? Ты это точно знаешь, поэтому так говоришь?

- О господи, Аня... Ты совершенно здорова, и дети у нас будут, с какой стати им не быть? Прошу тебя, не забивай голову всякой ерундой, ты вполне можешь

стать матерью-героиней, если захочешь. – Он засмеялся, но смех вышел натянутым, торопливо поцеловал меня, устроился поудобнее на диване и потянул меня за руку, чтобы я легла рядом с ним. – Мне не нравится, что ты так много думаешь об этом. У тебя какая-то навязчивая идея. Ты сама себя пугаешь. Это глупо. В конце концов, нам совершенно некуда торопиться. Ты успокойся, и все придет само собой, никакие врачи не понадобятся. Я очень люблю тебя, – прошептал он, а я улыбнулась.

На работу в тот день он так и не пошел. Мы отправились в парк, где прогуляли до самого вечера. Вернувшись, я стала готовить ужин, а Андрей устроился с газетой в лоджии, но в одиночестве ему не сиделось, и он вскоре перебрался на кухню. Несколько раз я ловила на себе его настороженный взгляд.

– Хочешь, поужинаем в ресторане? – спросил он.

– Что? – Я не сразу сообразила, что он спросил, занятая своими мыслями. – Извини... Нет, не стоит идти в ресторан, у меня уже все готово... Все-таки это странно, что я ничего не помню, – вздохнула я.

– Ради бога, не начинай все сначала. У тебя была тяжелейшая травма, просто поразительно, что ты осталась жива. Пять дней в коме, две операции... Ты сама все прекрасно знаешь...

– Не знаю, – покачала я головой.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Андрей.

– Андрюша, все, что я знаю о себе, я знаю из твоих рассказов. Это так странно. Двадцать четыре года абсолютного небытия, иногда мне кажется, что меня и не было вовсе, как будто ты слепил меня из глины...

– Из ребра, – засмеялся он. – Я смастерил тебя из своего ребра, как Адам Еву, правда, Адаму помогал господь... Впрочем, мне тоже... Только благодаря его милости ты осталась жива. – Последние слова он договорил, уже поднявшись, и обнял меня. – Не забивай себе голову. Эдуард Витальевич убежден, что память к тебе вернется. Пройдет время, ты успокоишься...

– Я думаю, если бы у нас сохранились какие-то фотографии, мне легче было бы вспомнить. Ведь у мамы наверняка есть мои фотокарточки?

– Разумеется.

– А наши свадебные фотографии у нее есть? Мне бы очень хотелось...

– Наверное, есть. – Голос его звучал слегка недовольно. Я хорошо знала своего мужа и научилась распознавать его настроение по малейшим изменениям в интонации.

– Расскажи, как мы познакомились? – попросила я. – Вдруг я что-нибудь вспомню?

– Никакой романтики, – хохотнул он. – Мы каждое утро садились в один троллейбус, четырнадцатый номер. Ты всегда вставала у окна на задней площадке, а я на тебя смотрел. Однажды мы встретились вечером, ты возвращалась домой от подруги, а я с работы. Я набрался смелости, подошел и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Андрей», а ты засмеялась и ответила: «А меня Аня», и я пошел тебя провожать. Возле подъезда мы столкнулись с твоей мамой, она шла из магазина и пригласила меня пить чай. Я ушел от вас где-то в одиннадцать, а на следующий день встречал тебя из института. Через два месяца мы поженились. Затем я получил назначение в этот город и уехал, а ты осталась в Екатеринбурге. А потом... потом ты знаешь. – Он тяжело вздохнул и стал смотреть в окно. – Твоя мама позвонила мне на работу, первым же самолетом я вылетел в Екатеринбург. Я не знал, что меня ждет, застану ли я тебя живой... Извини, я больше не хочу рассказывать. Я рад, что есть сегодня, понимаешь? Есть ты, я, и мы вместе. Все остальное не имеет значения.

– Конечно, – улыбнулась я и поцеловала его, а потом он меня, и мы на некоторое время забыли про ужин.

Следующие два дня мы провели за городом на даче Андрюшиного друга. Друг Андрея сам ездил сюда очень редко, и дача практически была в нашем полном распоряжении, маленький двухэтажный домик на окраине деревушки, затерявшейся в лесу. Весь день шел дождь, мы сидели на веранде обнявшись и были абсолютны счастливы.

- Хочешь почитать или посмотреть телевизор? – поинтересовался Андрей.

- Нет, – покачала я головой и спросила, помедлив: – Тебе не скучно со мной?

- Мне? – Он так удивился, что мне на какое-то мгновение стало стыдно. – Что за вопрос?

- Ты ушел с хорошей должности, работаешь охранником. Разве тебя может устраивать такая работа?

- Меня очень устраивает график. Сутки отдежурил, двое дома. Я хочу быть с тобой, ты не знала? – Опять его голос изменился, точно я сказала что-то обидное.

- У нас нет друзей... по крайней мере, к нам никто не приходит, и мы за эти полгода ни разу ни у кого не были. У меня нет подруг...

- По-моему, у тебя неплохие отношения с Валентиной (это наша соседка).

- Неплохие, – согласилась я. – Она иногда заходит, и мы с ней пьем чай... Но это ведь совсем не то.

- Я понял. Ты выздоровела и хочешь жить нормальной жизнью. Мне стоило раньше об этом подумать и...

- Андрюша, – позвала я, он замолчал, настороженно глядя в мои глаза. – Андрюша, я думаю... – Я на мгновение зажмурилась, но решила договорить до конца: – Я думаю, дела мои плохи, ты действительно любишь меня, я знаю... и... я скоро умру?

- Что? – Глаза его расширились от изумления, несмотря на трагизм ситуации, выглядел он комично, я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. – Что за сукин сын тебя надоумил? – Он вскочил с дивана, отшвырнул стул и так посмотрел на меня, что я на какое-то мгновение испуганно замерла, а потом принялась оправдываться:

– Прости меня, врач вел себя так странно... и я подумала... Андрюша, ты такой добрый, нежный, ты так терпелив со мной, я решила, что ты... как бы это сказать, ты хочешь, чтобы я была счастлива...

– Вот именно, – ввернул он.

– Нет, я имею в виду, ты жертвуешь собой, чтобы я в свои последние дни... – И тут он сделал то, что разом отбило у меня охоту продолжать всю эту чушь: он расхохотался, он хохотал так весело и заразительно, что я мгновенно поверила: моя близкая кончина отменяется.

– Я твоему травматологу морду набью, – заявил он, сел рядом, обнял меня и вздохнул. – На самом деле все гораздо проще. Когда случилась авария, я точно спятил, полгода жуткого страха, от которого невозможно избавиться. Все кончилось хорошо, но страх никуда не ушел. Он всегда со мной. Я боюсь, что, если оставлю тебя хоть на несколько часов одну, непременно что-нибудь случится. Я извожу себя этими мыслями и не могу думать ни о чем другом. Ты сама знаешь: с работы я звоню каждый час, просто замечательно, что я сторож, на какой еще работе потерпели бы такое? Я хочу быть с тобой, по возможности, всегда, и мне никто больше не нужен, мне хорошо, когда ты рядом, спокойно и хорошо, и я совершенно не нуждаюсь в дружеских компаниях... Конечно, это чистой воды эгоизм, я прекрасно понимаю, но мне, как и тебе, нужно время, все это пройдет само собой, и тогда мы ничем не будем отличаться от других. А пока...

– Я так люблю тебя, – сказала я и в этот миг была совершенно счастлива.

В пятницу в десять утра раздался звонок, звонил тот самый врач-травматолог.

– Анна Ивановна?

– Да, – испуганно отозвалась я.

– Простите, что беспокою вас. Не могли бы вы подойти ко мне в понедельник? Я принимаю с двух часов.

– А что случилось? – Мой голос звучал так тонко, что вовсе не походил на мой обычный голос.

– Ничего страшного, уверяю вас. Я показал ваши снимки очень хорошему специалисту, и у нас возникли вопросы.

– Какие вопросы? – Я совершенно ничего не понимала и оттого начала злиться.

– Вы уверены, что попали в аварию? – Сердце у меня застучало так часто, что на мгновение перехватило дыхание.

– Что вы имеете в виду? – справившись с собой, спросила я.

– Вы помните, как произошла авария? – тщательно выговаривая слова, точно забывая гвозди, задал он очередной вопрос.

– Что вы имеете в виду? – повторила я, голос сорвался, я тряхнула головой и опустилась в кресло.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – очень ласково заговорил он, как будто видел мое состояние. – Это самые обычные вопросы. У вас была травма головы, иногда после этого наступает частичная амнезия, потому я и спрашиваю: вы помните саму аварию?

– Нет, – подумав, ответила я. – Я помню, как очнулась в больнице.

– В Екатеринбурге?

– Да.

– Хорошо. – Я мрачно усмехнулась, прикидывая: чего хорошего он усмотрел во всем этом. – Анна Ивановна, я вас попрошу о нашем разговоре пока никому не рассказывать.

– Что вы имеете в виду? – Я опять перепугалась.

– Вы живете с мужем, так? Не стоит лишний раз его беспокоить, пока мы не разберемся со всем этим. Я жду вас в понедельник. Всего доброго.

Короткие гудки надоедливо повторялись, а я сидела в кресле, не в силах пошевелиться.

– Господи, что это такое? – пробормотала я, потом, точно очнувшись, набрала код Екатеринбурга. Мама сняла трубку после второго гудка.

– Анечка? Здравствуй, дочка. – Голос ее звучал нежно. Я зажмурилась, изо всех сил пытаюсь представить свою мать. Я знаю, она невысокого роста, седые волосы (сказались обрушившиеся на нее переживания), карие глаза, смуглая кожа (Андрей говорит – мы похожи). Я просила ее прислать фотографию, но мама не может надолго оставлять отца, и на то, чтобы сфотографироваться, у нее просто нет времени. «Идиотская отговорка», – прошелестело в моем мозгу. Впрочем, какая разница: есть фотография или нет? Это моя мама.

– Мамочка, – начала я, вышло у меня как-то испуганно, – пожалуйста, расскажи мне об аварии.

– Что случилось, деточка?

– Ничего. Я просто хочу знать.

– Аня, мне так тяжело вспоминать все это... Ну хорошо... Что тебя интересует?

– Как это произошло?

– Андрюша уехал, а ты взяла вашу машину. Возвращалась от подруги поздним вечером, сворачивала к нашему дому. Темнота, ни один фонарь не горел. Возле тротуара стоял «КамАЗ» без габаритных огней. Скорость у тебя была приличная... О господи, Аня, это так ужасно. От удара тебя выбросило в окно, тебя нашли в нескольких метрах от машины. Ко всему прочему, ты упала затылком на высокий поребрик, отделяющий тротуар от проезжей части. Это чудо, что ты осталась жива. Мы с папой каждый день благодарим бога.

– Мама, это точно?

- Что? – растерялась она.

- Все действительно так и было?

- Деточка моя, это случилось в трех шагах от нашего дома. Я прибежала раньше, чем приехала «Скорая», наши соседи ехали следом... Я держала тебя на коленях...

- Мама, прости, прости, пожалуйста.

Она немного помолчала, затем сказала:

- Мне еще очень больно, как будто это случилось только вчера... Аня, почему ты заговорила об этом? Разве ты сама не помнишь, как возвращалась домой? Почему такая странная фраза: точно ли была авария?

Я прикусила язык. То, что я абсолютно ничего не помню о своей прошлой жизни, мы с Андреем решили держать от родителей в секрете.

- Я просто неправильно выразилась. Я была у врача, меня беспокоит, что я не могу забеременеть, и я подумала...

- Анечка, все будет хорошо, поверь мне, главное, ты жива и здорова. Хочешь поговорить с папой? Правда, он только что прилег...

- Не тревожь его. Просто передай ему от меня привет.

- Конечно. Как у вас с Андрюшей? Все хорошо?

- Да.

- Тебе очень повезло с мужем. Поцелуй его за меня.

- Мама, ты разыскала Лиду? (С Лидой мы вместе учились в институте, о ней я тоже узнала от мужа.)

– Я звонила, мне сказали, что она вышла замуж за военного, и они уехали куда-то на Север.

– Кто-нибудь из школьных или институтских друзей звонил?

– Нет, деточка. Ты же знаешь, как бывает, у всех своя жизнь, свои заботы...

Мы простились. Я закусила губу и несколько минут пялилась на телефон, затем вновь сняла трубку и позвонила в бухгалтерию Горводоканала. Женский голос сердито отозвался:

– Бухгалтерия.

– Извините, мой муж работает у вас в охране. Вы не могли бы сообщить, какая у него зарплата?

– Оклад охранника семьсот шестьдесят рублей, – коротко сказала женщина и повесила трубку. Цифра вызвала у меня шок. Конечно, я не ожидала, что муж получает сумасшедшие деньги, тем более что он сам подсмеивался над своей работой и называл себя не иначе как сторожем. Но семьсот шестьдесят рублей... Конечно, мы живем довольно скромно, по магазинам в основном ходит Андрюша, но я ведь не совсем дура и цены в этих самых магазинах мне известны. Мы тратим денег по меньшей мере в шесть раз больше. Откуда они?

Я взглянула на часы и торопливо начала собираться. Я хотела увидеть мужа, надо все это как-то прояснить, слишком много вокруг загадок, и они меня пугают.

Через полчаса я была возле проходной, но, против обыкновения, не стала устраиваться на скамейке, а прошла чуть дальше и замерла на углу магазина. Время тянулось страшно медленно, я начала считать до тысячи, сбилась на первой же сотне и немного прошлась, неотрывно глядя на стрелки своих часов. Они точно замерли, а я вдруг подумала о том, что разговор с Андреем не сулит мне ничего хорошего, его возмутят мои подозрения, и правильно... Он замечательный муж, нежный, заботливый, он любит меня, а я как будто за ним шпионю. Кому это понравится? В конце концов, у нас могли быть какие-то сбережения... Я просто хочу спросить, что в этом особенного?

Я сделала еще два шага и увидела мужа, он только что вышел из проходной и по привычке оглядывался, затем не торопясь пересек улицу и вошел в кафе, а я бросилась следом, но в большом зале кафе Андрея не обнаружила. Впрочем, он мог пройти в туалет... Вместо того чтобы устроиться за одним из столиков и терпеливо дожидаться появления мужа, я неожиданно для себя прошла мимо стойки в узкий коридор, буфетчица отсутствовала, и на мое вторжение никто не обратил внимания. Рядом с кухней виднелась еще одна дверь – она выходила на улицу. Я распахнула ее и увидела заасфальтированный пяточок с мусорными баками, рядом с ними стоял «БМВ» зеленовато-серого цвета, на заднее сиденье которого как раз садился мой муж. В то же мгновение машина тронулась с места и вскоре исчезла за поворотом.

– Вам чего? – услышала я за своей спиной, повернулась и увидела женщину лет тридцати в белой куртке и косынке, она с подозрением разглядывала меня.

– Извините, – пролепетала я, выскочила на улицу, свернула за угол и начала вертеть головой во все стороны, но «БМВ» точно испарился.

«Ну и что тут особенного, – утешала я себя, пешком возвращаясь домой. – Мой муж сел в чью-то машину... Это я сижу дома и ни с кем не общаюсь, а у него есть знакомые, друзья... по крайней мере, один друг, на даче которого мы отдыхаем. Мало ли с кем он мог встречаться в свой обеденный перерыв?»

Но странное беспокойство не отпускало меня, и вместо того чтобы свернуть на проспекте в сторону дома, я направилась к универмагу, прекрасно сознавая, что в четырех стенах квартиры мне сейчас просто не высидеть.

Я переходила дорогу, когда меня точно ударило в спину, а в висках застучало: «опасность». Я выпорхнула на тротуар, сделала три шага в сторону, наклонилась, поправляя босоножку, и осторожно огляделась. Темный «Фольксваген» свернул к универмагу, очень медленно, точно выжидая. Я выпрямилась и пошла по тротуару, разглядывая витрины, «Фольксваген» притулился у тротуара, но на автостоянку возле универмага въезжать не стал.

Я уставилась в витрину, делая вид, что рассматриваю выставленные в ней игрушки. Из «Фольксвагена» никто не появился, только чуть приоткрылось окно, а я направилась в сторону кафе, которое было по соседству с универмагом. «Фольксваген» плавно свернул в переулок и вскоре вновь возник за моей

спиной.

Я вошла в кафе, купила мороженое и устроилась возле окна, но интересующую меня машину больше не увидела. Через несколько минут в кафе вошел молодой мужчина. Джинсы, футболка, короткая стрижка, темные очки, делавшие его каким-то безликим... Он огляделся, задержал на секунду взгляд на мне и устроился за соседним столиком. Я чувствовала, что он смотрит мне в спину. Поднялась и взяла еще мороженого, чтобы как следует разглядеть парня. Я возвращалась к столику, когда он меня окликнул:

– Ксения. – Это было вовсе не мое имя, но я почему-то вздрогнула, резко повернулась и, глядя на него, спросила:

– Вы мне?

– Конечно, – улыбнулся он.

– Вы ошиблись, – стараясь скрыть испуг, сказала я. – Меня зовут Анна.

– Ах да, конечно. – Улыбка у него вышла кривой и чересчур насмешливой. – Простите, я ошибся. Конечно, Анна.

Я устроилась за столом спиной к нему, но он тут же возник рядом, подвинул стул и вновь принялся ухмыляться.

– У вас что, такой способ знакомиться с женщинами? – нахмурилась я, он засмеялся, а я добавила: – Я замужем, если это вам интересно, и, извините за грубость, мой муж вам свернет шею. Особо крепким парнем вы не выглядите, а мой муж чемпион по карате.

– Надо же, как не повезло. Хотелось бы на него взглянуть, вдруг он не такой уж и страшный.

– Не советую, – сказала я, поднялась и взяла сумку.

– Кончай дурить. – Он схватил меня за руку. – Не могла же ты меня не узнать. Это просто смешно.

Я резко опустила на стул, глядя в его лицо, а он, точно желая помочь мне, снял очки и бросил их на стол.

- Ну, теперь узнала?

- Как вас зовут?

Он хмыкнул и дурашливо пропел:

- Анатолий. Еще вопросы есть?

- Да. Мы знакомы?

- О господи... конечно, мы знакомы. У тебя что, память отшибло?

- Да, - кивнула я, глядя на него.

- Что? - хмыкнул он.

- У меня отшибло память. Если вы хотите, чтобы я вас вспомнила, расскажите, когда и где мы встречались.

- Ах вот как. - Он засмеялся. - Здорово. Это, наверное, очень удобно, когда память отшибает.

- Это вы были в синем «Фольксвагене»?

- Я.

- Вы следили за мной?

- Почему следил? Я неожиданно увидел женщину, которая исчезла из моей жизни несколько месяцев назад, и решил узнать, как у нее дела.

- Почему вы называли меня Ксенией?

- Просто так, - пожал он плечами. - Шутка.

- Вы сумасшедший, - поднимаясь из-за стола, сказала я. - Если произнесете еще хоть одно слово, я позову милицию.

- Разумеется, милицию. Знаешь, это было бы забавно. Ты Шульгина Анна Ивановна, так? Двадцать четыре года, место рождения город Екатеринбург. Вроде бы ничего не напутал?

- Мы что, действительно знакомы? - насторожилась я.

- Точно. - Он схватил меня за руку, больно сжал. - Я тебе больше скажу, у тебя есть наколка, так? Очень миленькая такая штучка на внутренней стороне бедра. Подожди-ка, дай вспомнить, на левой ноге или на правой? На левой, точно. Угадал? - Я густо покраснела и выдернула руку.

- Кто вы? - спросила я зло, а он рассмеялся:

- Я - твоя недремлющая совесть. Устраивает?

- Я думаю, вы сумасшедший сукин сын. - Голос мой не дрожал, и даже особого волнения я не испытывала, только злость. - Я не знаю, откуда вам все это известно, но если вы еще раз попытаетесь заговорить со мной...

- Я понял, можешь не ораторствовать. Ты - это вовсе не ты, совсем другой человек. Замужняя женщина, которая мечтает о ребенке.

Не помню, как я выскочила из кафе, и смогла прийти в себя, только оказавшись дома. «Я так и не увиделась с Андреем», - думала я, глядя на телефон. Точно угадав мои мысли, муж позвонил, я подпрыгнула, услышав звонок, и поняла, как напряжены мои нервы.

- Привет, детка, - сказал Андрей. - Где ты была? Я звоню в третий раз.

По привычке я собралась сразу же все рассказать ему, но вдруг споткнулась на первой фразе и сказала:

– Я хотела увидаться с тобой в обед.

– Да? И что?

– Не застала тебя в кафе.

– Я уезжал по делам.

– По каким делам? – помедлив, спросила я.

– Вернусь домой, расскажу. У тебя печальный голос. Скучаешь?

– Нет. Я глажу белье и смотрю телевизор. – Какого черта я соврала?

– Отлично, тогда до встречи. – Он повесил трубку, а я заметалась по квартире. «Почему я ему не сказала? – думала я, переставляя посуду на кухонной полке. – Например, о звонке травматолога... Врач усомнился в том, что я попала в аварию, но что же еще могло произойти со мной? Да все, что угодно. Я ведь действительно ничего не помню. И эта встреча в кафе, какой-то сумасшедший Анатолий... Откуда он может знать о моей татуировке?»

Татуировка у меня действительно была. Очень странная, на мой взгляд, да и место для нее я выбрала, мягко говоря, необычное. Андрей рассказать о ней ничего не смог, утверждая, что на момент нашего знакомства она уже была, а ее происхождение я держала в секрете. Если я сама не вспомню, это навсегда останется тайной. И вдруг появляется человек, который знает об этой татуировке. Что еще ему известно обо мне? Следовало бы его расспросить... Тут я вспомнила его взгляд и усмешку и поняла, что дело это безнадежное. Теперь главное: рассказать Андрею об этом парне или нет? Если рассказать о встрече, придется сообщить и о татуировке. И что тогда подумает мой муж? То же, что и я минуту назад: этот самый тип с гнусной ухмылкой и злыми глазами когда-то был близким мне человеком... до моего замужества, разумеется. Я даже мысли не допускаю, что могла бы изменить Андрею. А что, если сам Андрей решит иначе? Господи, что же мне, молчать? Еще эта авария... А что, если в действительности не было никакой аварии, а было что-то постыдное, мерзкое, что-то связанное с этим типом в кафе? Что-то такое, о чем мой муж предпочел забыть из благородства, простив меня? Чувствую. Мелодрама какая-то... Если бы я могла вспомнить хоть что-нибудь, хоть какой-то отрывок, зацепиться за него и

тянуть, как за ниточку: воспоминание за воспоминанием...

Я ничего не скажу Андрею, пока не пойму, что происходит (а что, собственно, происходит?), по крайней мере до тех пор, пока не встречу в понедельник с врачом и не выясню все, что касается моей травмы.

Я понемногу успокоилась и даже смогла заняться кое-какими домашними делами. Вечером позвонил Андрюша и пожелал мне спокойной ночи. Я легла спать и впервые увидела сон, то есть впервые с того момента, как все о себе забыла. Должно быть, раньше сны мне снились, потому что я знала, что такое сны.

Сон приснился мне уже под утро... Захлебываясь от крика, я проснулась в холодном поту, в спальню влетел вернувшийся с работы Андрей, который в это время пил в кухне кофе, схватил меня за плечи, заглядывая в лицо и что-то шепча, а я лишь через минуту поняла, что на самом деле ничего не было, а был только сон.

- Мне приснился кошмар, - пролепетала я.

- Слава богу, - покачал головой Андрей. - Не кошмар, слава богу, разумеется... Ты так меня напугала. - Он прижал меня к груди, поглаживая плечо, спросил ласково: - Что тебе приснилось?

- Дом, большой, с колоннами в холле...

- Дом с колоннами?

- Да, правда, я их не видела. Колонны находятся на первом этаже, а я была на втором, но я знала, что они там есть, понимаешь?

- Конечно. Во сне такое часто бывает.

- Я на втором этаже, в своей комнате...

- В своей?

- Да. Я так думала во сне. А потом вошел он.

- Кто?

- Мужчина. Он убийца.

- Ты видела во сне убийцу?

- Да. Я знала, что он убийца, он убил моего отца. У меня был пистолет, и я выстрелила, а он даже не покачнулся. И тогда я страшно испугалась... Я знала, что мне нельзя попадать в его руки. А у меня один патрон. Понимаешь?

- Да. И что дальше?

- Он засмеялся.

- А ты?

- Я закричала... и проснулась.

- Нормальный кошмар. Убийца, пистолет, один патрон... Пожалуй, тебе не стоит смотреть боевики, лучше мексиканские сериалы...

- Андрюша, я боюсь...

- Господи, маленькая, это ведь сон. Ты уже проснулась, мы сейчас поедem за город, и ты обо всем забудешь.

- Я точно знаю: он убил моего отца.

- Этот человек из сна? - Андрей недовольно нахмурился. - По-моему, ничего глупее и придумать невозможно. Позавчера я разговаривал с твоим отцом по телефону, он был жив-здоров. Но если хочешь, можно позвонить ему сейчас, чтобы ты не забивала себе голову всякой ерундой. Позвонишь?

– Нет. Конечно, это сон. Извини. Обыкновенный кошмар. Просто я очень испугалась.

– Твой убийца наверняка наш слесарь из жэка, который в прошлый раз содрал с тебя сотню, а батарею так и не заменил. Что, угадал? – Андрей засмеялся, и я улыбнулась, но ответила серьезно:

– Я не видела его лица, оно точно плавало в тумане... Было темно, свет едва пробивался из коридора в комнату, а он держался в тени... Мне надо было стрелять в голову, на нем был бронежилет...

– Что? – Андрей слегка отстранился и внимательно посмотрел на меня, я испуганно замолчала, он поднял меня с постели и сказал: – Марш в ванную под теплый душ. Надеюсь, все твои кошмары после этого исчезнут.

В ванную мы отправились вместе, и вскоре мой сон перестал иметь хоть какое-то значение.

До одиннадцати мы провалялись в постели, затем позавтракали и решили пройтись по магазинам.

– Что за дело было у тебя вчера? – спросила я между прочим.

– Какое дело? А... Видишь ли, я тебе никогда не рассказывал, у работы сторожа есть существенный недостаток: платят сущие копейки. А я не могу себе позволить, чтобы моя жена в чем-то нуждалась. Поэтому я иногда даю консультации некоторым людям. Твой муж, детка, классный специалист, а специалисты стоят денег.

– Какие консультации ты имеешь в виду? – вдруг испугалась я и сбилась с шага.

– Эй, – усмехнулся Андрей. – Надеюсь, ты помнишь, что твой муж правильный мент и, само собой, хороший парень, из тех, что в белых шляпах. Я сотрудничаю только с государством. Подробнее объяснить не могу, не имею права.

– Это опасно? – все-таки спросила я.

– Нет, конечно. Я ведь консультирую, и ничего больше. Все равно что читать студентам лекции.

Как ни странно, его слова меня успокоили, Андрей действительно честный человек, и если он говорит, что... с какой стати я должна сомневаться? Все, хватит дурацких вымыслов, сумасшедших из кафе и кошмарных снов. Светит солнце, лето в разгаре, а я иду рядом с человеком, которого очень люблю и который любит меня.

...Острое, как-то разом пришедшее ощущение счастья, оставалось со мной до понедельника, и, даже отправляясь в больницу, я не думала о предстоящем разговоре с травматологом. Проводив мужа на работу и кое-что приготовив на обед, я вышла из дома около десяти – нужно было попасть на прием к моему лечащему врачу. Хорошее настроение только улучшилось оттого, что я пришла первой, привычная очередь отсутствовала, я постучала, вошла, Жанна Ивановна сказала: «Да», подняла на меня взгляд и так улыбнулась, что сердце мое забилося в предчувствии чего-то необыкновенного.

– Анечка, – сказала она. – Хочу вас поздравить. Теперь у меня нет никаких сомнений.

Через полчаса я покинула здание больницы, забыв про травматолога, и как на крыльях полетела по улице, улыбаясь и глупо хихикая. У меня будет ребенок! Я взглянула на часы – до Андрюшиного обеденного перерыва еще уйма времени, а мне не терпелось сказать ему. Может, позвонить? Я стала выискивать телефон, но почти сразу же отказалась от этой мысли: разве можно сообщать такое по телефону? Нет, мы встретимся, и тогда я скажу ему... Я не удержалась и заскочила в «Детский мир», где совершенно потеряла счет времени, потому на встречу с мужем почти бежала, рассердилась на себя, взвизгнула от восторга и пошла медленно, повторяя:

– Я должна думать о нем.

В результате всех этих глупостей я опоздала: Андрея в кафе не оказалось, он, наверное, опять отправился по своим таинственным делам. Я едва не разревелась с досады, а потом со всех ног бросилась домой. Он непременно

позвонит, я попрошу его приехать и тогда-то сообщу кое-что ошеломительное...

Я остановила такси и через пятнадцать минут уже выходила возле подъезда. Но стоило мне оказаться на лестничной клетке, как мир вокруг разом переменялся. «Опасность», – всплыло в мозгу, ощутимо и ясно, точно сработал семафор. Я тревожно огляделась, достала ключи, вошла в квартиру и прислушалась. Обычные звуки: тикают часы, работает холодильник.

– Все в порядке, – прошептала я, сделала несколько шагов в сторону кухни, заглянула в нее и отправилась дальше по коридору. Гостиная. Спина стала липкой от пота. «Здесь, здесь», – настойчиво билось в мозгу, я толкнула дверь, стремительно вошла, в ту же секунду что-то отделилось от стены слева и обрушилось на меня, но в последнее мгновение я смогла увернуться. Мне метили в голову, а попали в плечо.

Я даже не успела понять, что происходит, развернулась на пятках и резко выбросила вперед ногу, и уж только тогда увидела нападавшего, рослого парня в джинсовой рубашке. Удар пришелся ему в висок, он замер на миг, а потом рухнул лицом вниз.

Я бросилась к телефону в прихожей, с намерением звонить в милицию, сняла трубку и завороченно уставилась на ручку входной двери – она медленно поворачивалась. Я хотела закричать от ужаса, но вместо этого кинулась в спальню, торопливо открыла нужный ящик шифоньера, где лежали коробки с обувью, вытащила нижнюю, сорвала крышку: в темной промасленной тряпке лежал пистолет. Я сунула руку за батарею и извлекла коробку с патронами. На все ушло несколько секунд, оружие было заряжено и снято с предохранителя, а я испуганно подумала: «Откуда я это умею?» Я знала, где хранится пистолет, я его видела, но точно знаю, что никогда не держала в руках...

В квартиру кто-то вошел. Очень осторожно сделал несколько шагов и замер. Ступая по ковру совершенно бесшумно, я продвинулась к двери. Пот застилал глаза, я боялась, что человек, замерший в прихожей, услышит мое дыхание.

– Эй, – позвал мужской голос. – Не дури, я знаю, что ты дома. Я видел, как ты вошла. Давай поговорим.

– Кто вы? – крикнула я, испытывая странное облегчение.

– Я – твоя большая любовь, – хихикнули в ответ. – Я – твоя большая любовь, которую ты сдала в утиль. Я искал тебя тринадцать месяцев. Можешь мне поверить, найти тебя было нелегко. Я только хочу поговорить. Успокойся и выходи. Где ты, в спальне?

Я выглянула в прихожую и безо всякого удивления обнаружила Анатолия, с которым несколько дней назад встретилась в кафе.

– Как ты вошел? – спросила я, демонстративно держа пистолет в обеих руках.

– Эй, – хмыкнул он. – Убери эту штуку, нервы у тебя всегда были ни к черту, а я не хочу, чтобы ты снесла мне половину башки.

– Какие нервы? Чего вам надо, черт возьми?

– Убери пушку, и поехали отсюда. Если я смог найти тебя, то сможет кто угодно... – В этот момент он достиг дверей гостиной и увидел парня, лежащего на ковре лицом вниз. – Кто это? – В голосе слышалась тревога. – Кто это? – повторил он.

– Не знаю. Он напал на меня.

– О, черт... Уходим... – Анатолий протянул руку, с намерением схватить меня за локоть, а я, переместившись вправо, ударила его согнутым коленом, и он, матерясь, отлетел к стене. – Дура, они нашли тебя, – рявкнул он, но я уже распахнула входную дверь и выскочила на лестничную клетку. В то же мгновение открылась дверь квартиры напротив и появился наш сосед-алкоголик, как всегда, в рваном трико и футболке с соевыми пятнами.

– Звоните в милицию, – крикнула я, бросаясь ему навстречу. Я надеялась укрыться в его квартире, у соседа есть телефон, а телефон сейчас – моя единственная надежда.

До его двери оставалось несколько шагов, и тут я обратила внимание на его лицо. Оно не было ни испуганным, ни привычно жалким, и я поняла, что пьяным он тоже не был, и то, что он сейчас делает, он делает сознательно, а главное, профессионально. «Профессионально», – отметил мозг как сигнал опасности.

Одним движением мужчина выбил из моих рук пистолет. Нырнув вниз, я бросилась ему в ноги, он качнулся, я резко выпрямилась и ударила его в грудь. Он спиной влетел в свою квартиру, но на ногах устоял, я схватила пистолет и тут услышала, как хлопнула дверь подъезда, кто-то (несколько человек) бегом поднимался по лестнице. Алкаш это тоже услышал, он захлопнул дверь, зато дверь моей квартиры распахнулась, и Анатолий рывкнул:

- Быстро сюда. - Но я бросилась вверх по лестнице.

Снизу до меня донеслись странные хлопки, а я, преодолев несколько пролетов, с ужасом увидела, что решетка на двери, ведущей на крышу, заперта на навесной замок. Чертыхнувшись, я выстрелила. Звук был такой, что казалось, перепонки не выдержали и я оглохла. Тряся головой, я поднялась на крышу. Хлопнула дверь, преследователи, должно быть, воспользовались лифтом, и я бросилась по крыше и вскоре уперлась в низкое ограждение, а потом вдруг сделала то, чего от себя никак не могла ожидать: разбежалась и прыгнула на соседнюю крышу, уцепилась руками за решетку, подтянулась и через несколько минут уже спускалась по пожарной лестнице с другой стороны дома.

Самое невероятное заключалось в том, что я даже не испугалась, точно по пять раз на дню прыгала с крыши на крышу, между которыми расстояние в несколько метров. И, лишь оказавшись на земле, тревожно коснулась ладонью живота и пробормотала поспешно:

- Извини.

Я торопливо огляделась: подворотня, слева гаражи, справа мусорные баки. Выходить на улицу с пистолетом в руке чистое безумие. Мне надо торопиться, я должна позвонить в милицию, а еще сообщить мужу... Черт возьми, что происходит? Почему так много людей разом свихнулись и накинулись на меня?

Я протиснулась в щель между мусорным баком и стеной дома и спрятала оружие, затем еще раз огляделась и торопливо покинула подворотню.

На улице все было как обычно: машины, люди, спешащие по своим делам, но для меня все точно разломилось пополам, была я и был мир, странный, непонятный и почти нереальный.

– Мне нужно позвонить, – сцепив зубы, пробормотала я, чтобы не дать этим мыслям захватить меня, и стала высматривать телефон-автомат. Мне пришлось пересечь дорогу, я сняла трубку и грязно выругалась: телефон не работал. Я швырнула трубку и тут увидела нашу машину – она сворачивала с проспекта.

– Андрей! – закричала я, размахивая руками, прекрасно понимая, что увидеть меня он не может, потому что уже свернул во двор. Я бросилась следом, чувствуя, с какой бешеной скоростью стучит мое сердце.

Я оказалась во дворе, когда Андрей уже тормозил на маленькой стоянке у входа в пивбар.

– Андрей! – закричала я. В ту же секунду дверцы притулившегося за углом «БМВ» разом распахнулись. Точно в дрянном боевике, из машины выскочили два парня с автоматами, грохнула очередь, Андрея отшвырнуло в кусты, а я завизжала, закрыв лицо руками, очередь ударила вновь, и я поняла, что стреляют в меня, кинулась со двора, не разбирая дороги и крича во все горло: – Помогите!..

Все вокруг сделалось совершенно нереальным, время перестало что-либо значить, я даже не могла сказать, сколько я вот так бежала: час, два или одну минуту, и наконец сообразила, что стою перед милицейской машиной, колочу кулаком по капоту и повторяю:

– Помогите, помогите...

– Ты что, с ума сошла? – рявкнул молодой парень в милицейской форме. – Выскочила прямо под колеса, да я еле затормозить успел...

– Моего мужа убили, – прошептала я и заплакала.

Он очень нервничал, это было заметно, курил, хмурился, зачем-то попусту чиркал зажигалкой и вглядывался в мое лицо, точно надеясь что-то прочесть на нем.

– Где мой муж? – не помню, в который раз спросила я.

– Вы утверждаете, что видели, как в него стреляли? – спросил он, игнорируя мой вопрос.

– Конечно.

– На улице?

– Да, на стоянке возле пивбара.

– А где находились вы?

– Я вам уже рассказывала.

– Расскажите еще раз, – нахмурился он, вроде бы обидевшись на меня за что-то.

– Вы от меня больше слова не услышите до тех самых пор, пока не сообщите, где мой муж.

– Что вы делали утром, расскажите подробнее. – Он как будто не слышал моих слов. Я молчала, глядя в окно. Окна первого этажа без решеток были расположены очень низко, районное отделение милиции размещалось в старом, давно требующем ремонта здании из красного кирпича, вид у него был скучный, как и у человека, что сидел напротив. – Вы слышите меня?

Я никак не отреагировала. Там, на улице, перед милицейской машиной я лишилась сознания, а когда пришла в себя, меня привезли вот в этот кабинет, и уже два часа тип с равнодушными глазами, в потертом костюме, нелепом галстуке и несвежей рубашке (какой, к черту, костюм, жара тридцать градусов), изводил меня вопросами, игнорируя мое единственное желание знать, что с Андреем.

В него стреляли, и я сама видела, как он упал... Нет, перевалился через кусты... пока я не увижу его мертвым, он для меня живой.

– Вы слышали вопрос? – повысил голос мужчина, я не запомнила точно, как его зовут, кажется, Виктор Егорович.

– Я плохо себя чувствую, – нахмурилась я.

– Хотите отдохнуть?

– Я хочу знать, что с моим мужем.

– Хватит! – вдруг рявкнул он и даже ударил ладонью по столу, и мне стало ясно, он не просто нервничает, он едва сдерживает бешенство. – Что вы мне сказки рассказываете? Если вас кто-то преследовал, да еще с автоматами, как вам удалось уйти?

– Я не говорила, что меня преследовали с автоматами, я даже не видела своих преследователей. Я слышала, что за мной кто-то гонится. А из автоматов стреляли во дворе, двое парней на «БМВ», двухдверный, темно-синего цвета, номер я вам сказала.

– И в такой ситуации, когда на ваших глазах застрелили мужа, вы умудрились запомнить номер?

– Андрея застрелили? – испугалась я.

– Слушайте, все, что вы рассказали, ужасная чепуха. На вас напал в квартире неизвестный, вы поднимаетесь на крышу... Кстати, почему бы вам не обратиться к соседям и не вызвать милицию? А потом вы вдруг оказываетесь на проспекте.

– Я спустилась по пожарной лестнице.

– Я помню. Дело в том, что в вашем доме нет пожарной лестницы. Точнее, она есть, но проходит через лоджии, и предприимчивые жильцы ее попросту убрали. По ней невозможно спуститься.

– Я спустилась по пожарной лестнице соседнего дома. Можете проверить, она в отличном состоянии.

– Разумеется, только как вы могли на нее попасть? Перенеслись на крыльях?

– Нет, прыгнула.

- Ага. - Он посмотрел на меня, усмехнулся и покачал головой.

- Я перепрыгнула на соседнюю крышу, - упрямо повторила я.

- Разумеется, стресс и все такое... второй раз вы этот номер уже не повторите?

- Повторю, если скажете, что с моим мужем.

- А я не знаю, - откинувшись на спинку стула, вдруг заявил он. - Понятия не имею. Он покинул свое рабочее место в 13.00, и больше его никто не видел. Автоматная очередь не пустяк, вроде бы кто-то что-то слышал, но никто, заметьте, никто из жильцов трех домов, окна которых выходят в ваш двор, не видел ни «БМВ», ни машины вашего мужа, ни вас самих. Занятно, да?

- По-вашему, я все выдумала? Зачем мне это? - спросила я, чувствуя, что для него все мои слова не имеют значения.

- А вот на этот вопрос я, пожалуй, смогу ответить, - перегнувшись через стол ближе ко мне и насмешливо щурясь, заявил он. - В 11.00 вы из поликлиники отправились домой. Так?

- Да.

- А во сколько вы были дома?

- Где-то в половине второго.

- Отлично. А вот ваша соседка утверждает, что где-то около часа слышала шум в вашей квартире. Мужчина и женщина о чем-то спорили, говоря проще: скандалили.

- Чепуха.

- Да-да. Разумеется. Так же, как труп в вашей квартире. В самом деле, подумаешь, труп.

- Труп? - Я насторожилась, парня в джинсовой рубашке я не убивала, по крайней мере, когда я видела его в последний раз, он был жив, хоть и находился в отключке.

- Труп, - кивнул Виктор Егорович, точно трупы были ему только в радость.

- Вы считаете, я кого-то убила?

- Может, вы, но скорее всего ваш муженек, оттого-то вы и придумали эту дурацкую историю.

- По-вашему, я сумасшедшая?

- Не знаю. Вовсе необязательно быть сумасшедшей, я думаю, вам очень хочется нас запутать... Это желание свойственно многим из тех, кому приходилось сидеть на стуле, который сейчас занимаете вы. Меня ваше поведение ничуть не удивляет.

- Спасибо. Так кого мы убили, я и мой муж?

- Мужчина в возрасте 30-35 лет, шатен, светлые глаза, тонкий с горбинкой нос, узкие губы, на предплечье татуировка... Дальше продолжать?

Я слушала, разглядывая крышку стола. Судя по описанию, убитый - вовсе не парень в джинсовой рубашке, который напал на меня в комнате, а неведомый мне Анатолий. Значит, те, кто гнался за мной, были его врагами, и явился он в самом деле спасти меня... Только вот от кого?

Я поморщилась, почувствовав нестерпимую боль в висках. Виктор Егорович выложил на стол фотографию:

- Вот это мы нашли в его бумажнике. Никаких документов, только деньги, очень крупная сумма, кстати, и фотография. Узнаете?

Я протянула руку, но он не позволил мне взять фотографию. Анатолий в обнимку с молодой женщиной в черном парике. Тонкий нос, капризные губы, медового цвета глаза, короткая стрижка... Трудно догадаться, что это не свои волосы, но

я-то знала: это парик, и еще я знала, женщина на фотографии в обнимку с Анатолием – я.

Комната качнулась, я почувствовала головокружение, а реальность точно провисла, вот-вот готовая прорваться и выпустить из темных углов моей памяти оборотней, вампиров и прочих монстров.

– Вы его узнали, – наблюдая за мной, заявил Виктор Егорович. – Кто этот человек? Как его имя?

– Анатолий, – ответила я.

– Отлично. А фамилия, адрес, место работы?

– Я не знаю.

– Что?

– Я не знаю. Мы познакомились в пятницу, в кафе, рядом с универмагом.

– А сегодня он оказался в вашей квартире. Вы его пригласили?

– Нет.

– Значит, он пришел сам. И тут появился ваш муж, в свой обеденный перерыв. Почему бы и нет? Женатый человек, решил заехать домой. У вашего мужа было оружие?

– Я устала, у меня болит голова.

– Анна Ивановна, у нас есть показания соседки, а еще у нас есть труп. И, пожалуйста, не морочьте мне голову. Ваш муж скрылся. Зачем вам понадобилось выдумывать всю эту чепуху с автоматчиками на «БМВ», стрельбой, прыжками с крыши на крышу? Это же глупо, неужели вы не понимаете...

Я не слушала его, смотрела на фотографию с одной мыслью: «Это безумие». Я знаю: женщина на фотографии – я. Бдительный Виктор Егорович меня не узнал, что неудивительно. Однако я-то знаю... Я спятила. Другого объяснения просто нет.

– Я повторяю вопрос: у вашего мужа было оружие? – Я перевела взгляд за окно. – Вам знакомо такое выражение: соучастие в убийстве? – не унимался он. – Чем дольше вы молчите, тем больше усугубляете свою вину. Хотите, скажу, сколько вам грозит за это самое соучастие? Женщине с вашей внешностью совершенно нечего делать в тюрьме. Так что произошло около 13.00? – Я не ответила. Он отшвырнул фотографию в сторону. – Отлично. Будем играть в молчанку? Вам же хуже. Два трупа – это, знаете ли...

– Почему два? – насторожилась я. – Вы говорили об Анатолии...

– Об Анатолии... – Он усмехнулся. – На пороге своей квартиры обнаружен ваш сосед.

– Из двадцать седьмой квартиры?

– Из двадцать седьмой. Вы знакомы?

– Нет.

– Разумеется. Вы не знаете Анатолия, вы не знаете своего соседа.

– Какая разница, знаю я его имя или нет? Как он погиб?

– Его ударили тупым предметом... Предположительно... Да так, что буквально раскроили череп.

– И это сделала я?

– А почему нет? Вы или ваш муж. Он убил вашего любовника, а затем и соседа, потому что тот имел неосторожность оказаться в роли свидетеля.

– Ясно. Когда я видела его в последний раз, он был совершенно здоров.

– А когда вы видели его в последний раз?

– Я вам рассказывала.

– Расскажите еще. – Он что-то добавил, но я больше не обращала внимания на его слова, я прислушивалась к шагам в коридоре, в висках застучало, а ладони мгновенно вспотели. Я попробовала справиться с дыханием, расслабленно сидя на стуле, вслушиваясь в тишину за дверью. Вот они, совсем рядом... они идут... Теперь я и в самом деле различала шаги, они приближались, вот кто-то замер перед дверью. Из всех звуков: телефонных звонков, шарканья ног по асфальту, гудков автомобилей, скрипа стула, на котором сидел Виктор Егорович, я слышала только их: шаги за дверью, которые внезапно стихли.

– Что с вами? – донесся до меня голос следователя, и тут дверь распахнулась и в душную пыльную комнату шагнули двое: высокие мужчины в светлых костюмах и темных очках. Их физиономии поражали безликостью, а они сами какой-то театральностью, точно передо мной разыгрывали сцену из очередного боевика, сплошняком состоящего из общих мест.

Но я знала, они настоящие, и подобралась. Один из вошедших поплотнее закрыл дверь, другой прошел к столу и спросил:

– Сериков Виктор Егорович?

– Да. – Мой собеседник слегка растерянно разглядывал вошедших.

– А это Шульгина Анна Ивановна? – И, не дожидаясь подтверждения, заявил: – Мы забираем ее.

– Что значит «забираем»? – нахмурился Виктор Егорович, приподнимаясь со своего стула.

– Не волнуйтесь, у нас есть соответствующее распоряжение.

Рука говорившего исчезла в кармане пиджака, воздух рассекло нечто вроде резиновой дубинки, Виктор Егорович рухнул на стол лицом вниз, а я, схватив стул, на котором за секунду до этого сидела, запустила его в окно и нырнула

следом, машинально отметив: «Стрелять они не рискнут». Они и не рискнули. Я вылетела в окно, кувыркнулась через плечо и тут же поднялась на ноги. Мало того, что я умудрилась ничего не сломать, я даже боли не почувствовала. «Я так не умею», – испуганно мелькнуло в сознании, но, перекрывая все мысли, настойчивый голос внутри меня кричал: «Бежать, бежать!» И я побежала.

Я летела, не разбирая дороги, однако успела заметить, что парни в светлых костюмах разделились: один выпрыгнул в окно (весьма неумело, поднялся не сразу и бежал, слегка припадая на правую ногу), а второй, должно быть, покинул кабинет через дверь. Где-то здесь у них машина... На своих двоих мне от машины не уйти, значит, надо отрываться дворами.

Я пересекла улицу, под истошные гудки машин влетела в подворотню, опять же машинально отметив: двор проходной и тип на машине, если он не дурак, будет ждать меня на проспекте. Я бросилась в первый подъезд, пользуясь тем, что мой преследователь поотстал и видеть меня сейчас не может. У меня было всего несколько секунд, и я очень надеялась, что мне повезет, потому что если не повезет...

Я позвонила в ближайшую ко мне дверь, через три секунды она распахнулась, и толстая тетка лет пятидесяти взглянула на меня с неодобрением.

– Вам кого?

– Извините, – пробормотала я, влетела в квартиру, оттолкнув ее, и захлопнула дверь. – Кто-нибудь есть в квартире?

– Да что вам надо? – возмутилась женщина, а я сначала выбросила вперед ладонь, а уж потом поняла, что делаю.

Женщина слабо охнула, привалившись к стене, и закатила глаза, я подхватила ее на руки, не дав упасть на пол. Приземление вышло плавным. Женщину надо положить на диван, но это подождет. Я торопливо прошла по квартире. Никого. Скорее всего жила она одна. На старом телевизоре фотокарточка: молодой мужчина с ребенком на руках, ползунки, чепчик, сразу не определишь, мальчик или девочка. Скорее всего это сын женщины со своим ребенком, и живет он отдельно. Квартира однокомнатная, ее осмотр занял у меня несколько секунд. Я осторожно прошла к окну и выглянула, не касаясь занавески: черная

«Волга» замерла посередине двора, левая дверца была распахнута настежь, рядом с ней стоял один из типов в костюме и, точно робот, рывками поворачивая голову, разглядывал окна. Второго парня не было видно.

– Кто это, черт возьми? – пробормотала я, и голос внутри меня ответил: «Они». Совсем неплохо для начинающего шизофреника.

Через десять минут в дверь позвонили. Я стояла не шелохнувшись, ожидая, что будет дальше. Тот, кто стоял за дверью, позвонил еще в две квартиры, выходящие на лестничную клетку, но никто ему не открыл. Через некоторое время я увидела, как он покинул подъезд, а потом исчез из поля моего зрения, наверное, шел близко к дому по асфальтированной тропинке, соединяющей подъезды. «Волга» тронулась с места и направилась в сторону проспекта, а я вернулась к женщине.

Лицо ее слегка порозовело, нащупав пульс, я успокоилась: скоро она придет в себя. С большим трудом я перетащила женщину на диван. Телефона в квартире не было, на всякий случай я закрыла дверь на щеколду и вновь отправилась в комнату. Распахнула шифоньер. Женщина явно жила одна, на вешалках только ее вещи, правда, в целлофановом мешке висел мужской костюм, лет двадцать назад вышедший из моды. Глядя на него, я почему-то подумала об Андрее и опустила на пол, тихонько поскуливая. Где он? Кто эти люди, преследующие меня? «Если ты будешь ныть, сидя на полу, – сообщил кто-то весьма язвительно, – то вряд ли сможешь понять. Кончай скулить, давай делай что-нибудь».

Из одежды женщины мне могли подойти только спортивные штаны и футболка. Я еще немного порылась в чужих вещах и обнаружила парик на трехлитровой банке. Парик был старый, свалявшийся, челка стояла дыбом. Я нахлобучила его на голову и кое-как пригладила расческой. Затем внимательно посмотрела на себя в зеркало. Чужая одежда и этот нелепый парик явились отличной маскировкой, штаны на резинке, футболка в горошек, фигура приобрела некую бесформенность, и в целом я сейчас здорово напоминала приемщицу посуды или теток, которые обычно взимают дань в платных туалетах. В прихожей на тумбочке я заметила помаду, покрасила губы ядовито-красным, и сходство с подобными существами сделалось абсолютным. Я сложила в пакет свои вещи и покинула квартиру.

Во дворе было довольно многолюдно, жара уже спала, жильцы отдыхали на скамейках или не спеша прохаживались, но на меня никто не обратил внимания. Я вышла на проспект, поглядывая по сторонам, замерла возле витрины, делая вид, что жду очереди к телефону-автомату. Ничего такого, что могло бы меня насторожить, я не заметила.

Куда я иду, мне стало ясно минут через пятнадцать. До этого момента я не отдавала себе отчета, что собираюсь предпринять, а свернув на Чапаевскую, поняла, что хочу попасть домой. Конечно, это очень опасно, конечно, и милиция, и неведомые враги будут скорее всего ждать меня там, но вернуться – единственный способ что-нибудь узнать. Вдруг Андрей оставил мне записку (глупость!) или каким-то другим способом... Неважно, что я придумаю, оправдывая желание вернуться в свой дом, главное – я не могу не вернуться. Вот так толково рассуждая, я приближалась к родному дому.

Дом возник из-за поворота, а я немного притормозила. Затем, сменив траекторию движения, завернула в соседнюю подворотню и, быстро оглядевшись, приблизилась к мусорным бакам. Пистолет лежал там, где я его оставила. Не придумав ничего лучше, я завернула его в свое платье и сунула в пакет. Затем быстро поднялась по пожарной лестнице на крышу соседнего дома и где-то с час наблюдала за своим подъездом. Через этот самый час я решила, что проникнуть в дом дело несложное, вопрос в том, что или кто ждет меня в квартире. Но прежде чем что-то предпринимать, следует дождаться темноты.

Я спустилась с крыши, на этот раз воспользовавшись чердачной дверью, которая была не заперта, и немного прогулялась по так называемому техэтажу. Среди мусора, старых коробок, двух чемоданов со сломанными замками я смогла обнаружить несколько очень полезных вещей, сунула их в пакет и лишь после этого покинула техэтаж.

У меня было что-то около часа в запасе, и я завернула в пивбар, который находился по соседству. У хозяйки квартиры я позаимствовала двадцатку и теперь с кружкой пива устроилась в уголке. Никто из присутствующих моим появлением не заинтересовался. Женщина неопределенного возраста с ярко-рыжими волосами стояла за стойкой, разгадывая кроссворд, потом потянулась, поскучала, глядя на холодильник, и включила старенький телевизор, находившийся тут же на стойке. На экране возникла какая-то жуткая физиономия, затем исчезла и бодрый голос сообщил: «А вот и мы». Женщина поморщилась и переключила канал. Шли местные новости. Склонившись над

кружкой, я исподлобья смотрела на экран, чувствуя, как начинают дрожать руки. И было от чего: сегодня в городе совершено три убийства. Об одном из них говорили особо. Удар, который получил Виктор Егорович, оказался смертельным, а убила его, конечно, я, после чего, выпрыгнув в окно, скрылась с места преступления. Диктор стала зачитывать мои приметы, но фотография на экране не появилась, хотя мой паспорт остался в квартире, да и раздобыть ее в паспортном столе для милиции дело двух минут. Еще одна загадка... Если меня активно ищут по обвинению в убийстве капитана милиции, соваться в квартиру – дело весьма рискованное; но, как только за окном стемнело, я вышла на улицу и направилась к своему дому.

Покойный Виктор Егорович был совершенно прав, утверждая, что воспользоваться пожарной лестницей в нашем доме было нельзя, но это только в том случае, если вы решили спуститься с крыши. Подняться на второй этаж – сущий пустяк. Появляться во дворе, куда выходила наша лоджия, я не рискнула; очень возможно, что соседи с собаками еще не разбрелись по домам и заметят меня. От проезжей части наш дом со стороны улицы был отделен двойным рядом зеленых насаждений: ближе к дороге чахлые березки, ближе к дому разросшиеся кусты боярышника. Прогуливаться в особой близости к ним вряд ли кому придет в голову. Я нырнула в кусты и с удовлетворением отметила, что в нужном мне окне, выходящем на незастекленную лоджию первого этажа, свет не горит. Я быстро забралась в лоджию, повесив пакет на руку, прикинула расстояние до второго этажа, проверила крепость бруска, на котором крепились бельевые веревки, и ловко, точно кошка, перебралась на лоджию этажом выше. На этот раз мои способности удивления у меня не вызвали, в конце концов, это не с крыши прыгать.

Лоджия нашего соседа-алкоголика тоже была не застеклена; проверив дверь, я извлекла из пакета железку с острым концом и сломанную отвертку, которые прихватила на техэтаже, и с ловкостью фокусника открыла дверь, умудрившись сделать это практически бесшумно. Достала пистолет и осторожно вошла.

Комната тонула в темноте, я немного постояла, прикрыв дверь за своей спиной, затем сделала первый шаг. Очень жаль, что нет фонарика. Прогулявшись по квартире, я зашторила окна в комнате и кухне (шторы были тяжелые и явно не дешевые, что довольно странно для одинокого, сильно пьющего человека), затем включила свет в туалете. Такого освещения было вполне достаточно, чтобы немного осмотреться. В прихожей остались пятна крови, наверное, в том месте, где лежал убитый. В комнате беспорядок, кровать разобрана, на столе

перевернутая пепельница, две пивные банки. Телевизор «Сони» в углу и видеомэгнофон. На кухне батарея пустых бутылок, штук пятьдесят, не меньше. Надо полагать, алкаш в деньгах не нуждался. Я пристроилась на полу возле туалета и попробовала понять, чем мне так не нравится данная квартира. «Общее место», – хихикнул кто-то внутри меня. В самом деле: беспорядок, бутылки, даже опрокинутая пепельница – обычный фон одинокого алкаша. Шторы, видео, постельное белье... Конечно, можно предположить, что все это досталось ему от любимой жены или матери, но мужик нигде не работал, а при таком раскладе любой нормальный алкаш давно бы все пропил.

Я поднялась и немного постояла посередине квартиры, точно приняхиваясь. Что-то такое во мне происходило, точно я считывала информацию с невидимых экранов. Затем я уверенно прошла в кухню и уставилась на шкафчик под подоконником. Обычный шкаф, запертый на задвижку. Открыв его, я убедилась, что в шкафу тоже все как обычно: трехлитровые банки (а ему-то они зачем, неужто огурцы закрывать?), лук в картонной коробке, связка чеснока. Сунув руку внутрь, я провела ладонью по верхней панели, потом постучала. Это не подоконник, расстояние до него весьма приличное.

Устроившись поудобнее, я приступила к более тщательному осмотру и вскоре обнаружила проволочное кольцо, потянула его; верхняя панель беззвучно открылась, и в глубине я нащупала полку – там хранились какие-то коробки. Я извлекла их и прошла в туалет, где горел свет. В коробке из-под туалетной воды, очень дорогой, между прочим, воды, лежали четыре тысячи долларов, свернутые в трубочку и перетянутые резинкой.

– Интересный алкаш, – хмыкнула я и перевела взгляд на остальные трофеи. Это были две видеокассеты. Сбоку какие-то значки и даты. Повертев их в руках, я прошла к видеомэгнофону, включила его и вставила кассету. Не знала, что я ожидала увидеть, а вот увидела себя. Себя в собственной кухне. Я готовила обед и что-то напевала, чувствовалось, что у меня отличное настроение, я прошла в спальню и стала переодеваться. Вне всякого сомнения, это снимали сегодня утром. Я замороженно смотрела на экран, ожидая, что будет дальше. На пленке я прошла в прихожую и покинула квартиру. Рябь, затем дверь открылась, и вошел Андрей. Я невольно вскрикнула, лицо его возникло лишь на мгновение, затем рябь, и вновь я, снято несколько дней назад. Я нащупала пульт и просмотрела пленку в ускоренном режиме: стало ясно, съемка велась каждый день, одну и ту же кассету использовали несколько раз. Везде я была в одиночестве. Как только появлялся Андрей, снимать прекращали (или

изображение стерли позднее). Кто-то следил за мной по крайней мере несколько последних дней.

Тому, что произошло с нами, я могла найти лишь одно объяснение: Андрей перешел кому-то дорогу (он ведь говорил о каких-то таинственных делах), и неведомые убийцы начали за ним охоту (а заодно и за мной). Но эти кассеты ставили крест на моей теории, кому-то нужна была именно я. Сосед-алкаш пытался помешать мне уйти, а некто огрел его по голове (вряд ли соратник), выходит, врагов у меня предостаточно. Убитый Анатолий мог бы кое-что прояснить, но теперь надеяться на это нет смысла.

Мой муж вряд ли имеет отношение к происходящему, скорее это нечто в моей прежней жизни. Что-то ужасное, может, поэтому в нашем доме и нет свидетельств прожитых мною двадцати четырех лет. Андрей не хотел, чтобы я вспомнила? Это всего лишь мои догадки, и грош им цена. Труп Андрея не нашли, и это вселяет надежду, что он жив. Если охотятся за мной, то он в относительной безопасности, хотя есть еще дурацкое обвинение в убийстве Анатолия. Я вновь просмотрела кассеты, а потом, прихватив с кухни спички, прошлась по квартире соседа. После его смерти все улики уничтожили, а вот о тайнике либо не знали вовсе, либо на это не хватило времени. Я оставила кассету в видеомэгнитофоне, надеюсь, что милицию она заинтересует, а вторую забрала с собой; очень возможно, что кто-нибудь опередит милицию и тогда я не смогу доказать, что за мной следили.

Я прошла к входной двери и прислушалась. Где-то работал телевизор (наверное, у соседей справа), ничего подозрительного. Я тихо выскользнула на лестничную клетку и приблизилась к своей двери. «Плевый замок», – подумала я, раз взглянув на него. Любопытная мысль, еще вчера она вряд ли пришла бы мне в голову. Осторожно и особо не спеша, я извлекла из пакета металлический штырь и через несколько секунд уже входила в квартиру. Здесь основательно все перерыли, вряд ли я обнаружу что-то интересное, но попробовать стоит. Держа в одной руке пакет, а в другой оружие, я прошлась по квартире, не испытывая ни страха, ни особого волнения, только легкое недоумение, что еще сегодня утром здесь был мой дом.

Ничего похожего на засаду. Я убрала оружие и прикинула, где, исходя из увиденного на кассете, находились камеры. Картина в гостиной, зеркало в спальне, вытяжка в кухне... если их не обнаружили милиционеры, значит, кто-то постарался до них. Между стрельбой во дворе и моим «приходом в сознание»

прошло где-то около часа, вполне достаточно времени, чтобы укокошить Анатолия и уничтожить улики. Это мог сделать поджидавший меня в гостиной парень. Пришел в себя, неожиданно напал на Анатолия... Были еще типы, что гнались за мной, и сосед – липовый пьяница. Ему не пришлось по душе развитие событий, и он поспешил уничтожить следы своей деятельности, но был недостаточно осторожен, и его убили. Одни загадки. Я порылась в верхнем ящике комода: документов не было, ни моих, ни мужа. Свой паспорт я видела лишь однажды, месяца два назад, когда впервые обратилась в поликлинику. Паспорт был новый, выданный местным РОВД, мой потерялся во время аварии. Вспомнив об этом, я неожиданно зло хмыкнула. Затем собрала кое-какие вещи и уже хотела покинуть квартиру, но что-то в моем сознании вдруг забило тревогу, и подходить к двери я поостереглась. Подхватила сумку, распахнула окно в спальне, выходящее на улицу, и огляделась. Входная дверь тихо скрипнула. «А вдруг это Андрюша?» – подумала я, прикрыла окно и нырнула под кровать, сняв пистолет с предохранителя.

Кто-то тихо прошел по коридору, мужчин было двое, вскоре я увидела их ноги, обутые в кроссовки, сначала появилась одна пара, затем вторая.

– Не дура же она, чтоб сюда явиться, – сказал один.

– Стас говорил, она ничего не помнит.

– Глупости. Как это ничего не помнит?

– Откуда мне знать? Что я, доктор?

– Ладно, посмотрели и сваливаем. Вдруг менты нагрянут?

– Не каркай.

Шаги в сторону входной двери, тихий скрип, и все стихло. «И это называется «проверить», – мысленно покачала я головой, выбираясь из-под кровати, но сочла за благо поскорее покинуть помещение. Кто-нибудь из соседей мог заметить движение возле нашей двери и сообщить в милицию. На лестничной клетке ни души, свет горит и тишина, как на кладбище, даже телевизор у соседей уже не работал. Держась ближе к стене, я спустилась на первый этаж, перехватила сумку поудобнее и пошла, приволакивая ногу, бормоча под нос:

– А Ольга-то дура... нет, в самом деле... – На мне все еще были спортивные штаны, футболка и парик, и я надеялась, что узнать меня будет нелегко. Стукнув дверью подъезда и выругавшись, я оказалась на улице, постояла немного, нелепо озираясь, и отправилась в сторону проспекта.

Машину я заметила почти сразу. «Девятка» притулилась ближе к сараям. Ничего подозрительного в ней не было, но я знала – это они. Равнодушно мазнула взглядом по машине, оказавшись в свете фонаря, покачнулась, восстановила равновесие, бормоча ругательство, и пошла дальше. Двигатель «девятки» не заработал, значит, те, кто в ней, ничего не заподозрили. Удалившись от дома на несколько кварталов, я остановила такси и вскоре уже стояла на объездной дороге. Из города мне надо срочно выбираться, но вокзал для меня слишком опасен – там будут искать в первую очередь и милиция, и те, кто за мной охотится. Моей маскировки хватит ненадолго. Стоит первому попавшемуся милиционеру спросить у меня документы, и неприятностей не оберешься. Остается попутный транспорт. Добраться до ближайшего областного центра, а дальше в Екатеринбург. Там живут люди, способные ответить на мои вопросы и помочь разобраться в том, что происходит. Мои родители должны знать, что случилось со мной год назад...

Была еще одна причина, по которой я так торопилась в Екатеринбург. Если Андрей жив, он позвонит моим родителям или приедет, но непременно даст знать о себе. Я даже думать не хочу о том, что он погиб.

Ночь была темной, я зябко ежилась, стоя на обочине, движение на дороге, несмотря на позднее время, было довольно оживленное, но подвезти меня никто не спешил. И тут мне наконец повезло. Старенькие «Жигули» притормозили рядом, а я, назвав соседний областной центр, удостоилась кивка пожилого дядьки за рулем, устроилась на заднем сиденье и вскоре уснула.

Мне снился тот же кошмар: темная комната, распахнутая дверь, силуэт человека и ужас, парализовавший меня. Я хочу кричать и не могу... Тут словно кто-то толкнул меня, я мгновенно проснулась, еще до этого во сне сообразив, что машина стоит на месте. Приоткрыла глаза. Предраассветные сумерки. Мы в лесу. Мужик на переднем сиденье потрошит мою сумку. На его лбу капли пота, он завороченно смотрит на увесистую пачку долларов. Перевел взгляд на меня, облизнул губы, доллары исчезли в его кармане, а рука скользнула вниз, там под

сиденьем скорее всего монтировка. Я расслабленно полулежала на заднем сиденье, выжидая, что будет дальше. Монтировкой в кабине «Жигулей» особо не намашешься... Видимо, решив так же, мужик открыл свою дверь, вышел, обогнул машину, а я подобралась. Как только он распахнул дверь с моей стороны, я обеими ногами ударила его в живот, дядька слабо хрюкнул и осел в траву, а я ударила еще раз, теперь в голову. Выскочила из машины, монтировка валялась рядом, он попытался схватить ее, но я его опередила.

– Где ты украла деньги? – пробормотал он. – Ты ведь их украла? Откуда у тебя деньги? Тебя в тюрьму посадят. – Дослушивать я не стала, ударила его по голове, и он отключился.

Я достала деньги из его кармана, затем подтащила мужика к дереву, выдернула старенький ремень из брюк и связала ему руки. Если учесть, что руками он обхватывал ствол, сидя к нему спиной, освободиться будет не просто. Пошарив в машине, я нашла полотенце и, вернувшись к незадачливому грабителю, очень ловко соорудила кляп.

Колеса на влажной траве буксовали, и я потратила минут десять, прежде чем выехала на лесную дорогу. Я понятия не имела, с какой стороны мы сюда прибыли, и отправилась наугад. Дорога вывела меня к леспромхозу. Судя по запустению, здесь либо был выходной, либо леспромхоз вообще приказал долго жить.

Я развернулась возле давно не крашенных металлических ворот и поехала назад. Через несколько минут песчаная дорога расширилась, на смену соснам пришли чахлые березки, из травы торчали пни, а я усомнилась, смогу ли выбраться из этого богом забытого места. Затормозив, вышла из машины и прислушалась: где-то совсем рядом шумело шоссе.

Я продолжила движение по единственной дороге и через некоторое время выбралась на асфальт. Ни одного указателя. Оставалось только гадать, в какой стороне мой город, а в какой тот самый, куда я желала попасть. Первый указатель появился через несколько километров, ехала я в нужном направлении, с чем себя и поздравила. Вряд ли дядька сможет быстро освободиться (места здесь не очень оживленные, да и с ремнем ему придется повозиться), но все равно: машина не лучший вид транспорта для меня. Первый же инспектор прервет мое путешествие. Однако до областного центра я добралась без происшествий, остановилась в пригороде, переоделась в машине, оставила ее

возле гастронома и дальше отправилась пешком.

Через сорок минут тряски на стареньком трамвае я стояла на площади со зданием железнодорожного вокзала в центре, построенным еще при царе Горохе, давно не отремонтированным, грязным и каким-то неприятным. Здесь мне опять повезло: поезд в нужном мне направлении отправлялся меньше чем через час. Купив билет, я едва успела позавтракать в кафе, таком же обшарпанном и неуютном, как и вокзал. Еда тоже оставляла желать лучшего, но я особо не привередничала и съела все, что мне подали.

Через десять часов я опять стояла на площади, почти точной копии предыдущей, с билетом в кармане до Екатеринбурга, перекусила в ресторанчике со скромным названием «Метрополь», а еще через два часа, лежа на верхней полке, наблюдала, как исчезают в ночной темноте редкие огни, вновь дремала, вздрагивала, чего-то пугаясь, прислушивалась к стуку колес и пыталась отгадать, что ждет меня впереди.

Солнечным днем я стояла на площади рядом с вереницей такси, смотрела по сторонам и пыталась успокоиться. Сердце билось так, что я всерьез подумала: может, стоит устроиться где-нибудь на скамейке и переждать? И тут я увидела четырнадцатый троллейбус. Он совершенно не отличался от других, прогрохотавших мимо меня, но я, разом вспомнив рассказы Андрея, бросилась к остановке и успела вскочить в него. Не знаю, на что я рассчитывала, но торопливо оглядела салон и вздохнула: наверное, всерьез верила, что увижу здесь мужа. Он так же, как и я, добрался до Екатеринбурга и, повинувшись безотчетному порыву... Три остановки я таращилась в окно, силясь прийти в себя от разочарования, затем начала приставать к пассажирам, и вскоре к разочарованию прибавилось чувство тревоги: мои родители жили в другом районе, так что добираться домой на четырнадцатом троллейбусе я не могла. Либо мои родители переехали, либо Андрей что-то напутал. Наверное, до дома я добиралась с пересадкой, ведь я понятия не имею, где находится институт, в котором училась. Из-за какого-то странного упрямства я доехала до конечной, а здесь пересела на такси.

Родители жили в сто двадцать восьмом доме, но я попросила остановить возле восьмидесятого. Очень возможно, что те, кто преследует меня, уже здесь. Нырнув в ближайшую подворотню, я переоделась в спортивные штаны и футболку, нахлобучила на голову парик, который однажды уже выручил меня, и

в таком виде достигла сто двадцать восьмого дома. Типовая девятиэтажка с застекленными лоджиями, пять подъездов, квартира родителей во втором, этаж, должно быть, третий. Я мельком заглянула во двор, проходя мимо, через два квартала свернула и вышла к дому с другой стороны только для того, чтобы убедиться: поблизости нет безопасного места, откуда я могла бы вести наблюдение за подъездом. Все осложнялось еще и тем, что я не знала, как выглядят мои родители, и если я даже увижу их на улице... Выход один: позвонить и узнать, интересовался ли кто мной. Это тоже опасно, телефон могли прослушивать... Я должна встретиться с мамой, я должна все выяснить, мама знает, что со мной было до одиннадцатого мая прошлого года, мне никогда не разобраться одной во всей этой чудовищной ситуации. Я должна встретиться с мамой...

Тут я сообразила, что стою возле магазина «Продукты», пожилая женщина с подкрашенными голубоватыми волосами сошла со ступенек, недовольно косясь в мою сторону.

– Вы не скажете, где здесь телефон-автомат? – спросила я.

– Понятия не имею. – Голос ее звучал строго, она поспешно отвела глаза, а я, не придумав ничего лучшего, вошла в магазин и выглянула в окно. Женщина не торопясь пересекла двор и исчезла в нужном мне подъезде.

Минут пятнадцать я наблюдала за просматривавшейся отсюда частью двора, прекрасно понимая всю наивность подобных предосторожностей. Они могли находиться в любой из квартир, чьи окна выходили во двор, в десятке машин, замерших на стоянке слева, в конце концов, они могли ждать в квартире родителей. Милиция так просто обязана была связаться с ними и даже устроить засаду, ведь меня обвиняют в убийстве их сотрудника...

На меня уже обращали внимание, продавец кондитерского отдела нет-нет да и косился в мою сторону. Надо решаться.

Телефон оказался за углом, я набрала номер и вскоре услышала мамин голос.

– Да?

– Мама, – вышло хрипло, так я волновалась. – Мама, это я.

– Анечка? – В ее голосе зазвенела радость. – Здравствуй, дочка. Как твои дела? Я звонила вам вчера, почему-то никто не отвечал. Ты слышала мое сообщение на автоответчике?

– Нет, мама. Меня никто не спрашивал? Андрюша не звонил?

– Андрюша? Нет. А что случилось?

– Мама, кто-нибудь интересовался мною?

– У нас? Нет, а что случилось?

– Из милиции не звонили?

– Господи, Аня, что за странные вопросы? Ты меня пугаешь. Что происходит?

– Не знаю, мама. Я ничего не знаю. Мне очень страшно.

– Анна, прекрати меня пугать и объясни, в чем дело.

– Мама, я в трех шагах от твоего дома.

– Ты в Екатеринбурге?

– Конечно.

– Тогда почему ты не идешь к нам? У тебя много вещей, ты на такси? А где Андрюша?

– Я сейчас приду, – ответила я и повесила трубку. Затем еще раз набрала номер родителей: короткие гудки. Мама кому-то звонит или просто неаккуратно положила трубку?

Оглядевшись, я торопливо пересекла двор и вошла в подъезд, нужная мне квартира находилась на втором этаже. Внушительная металлическая дверь,

обитая дерматином. Я нажала кнопку звонка, рука дрожала. Дверь открылась сразу, точно мама поджидала с той стороны, не отходя ни на шаг... Дверь открылась, и я с некоторым удивлением увидела женщину, с которой столкнулась на ступеньках магазина. Пушистые, совершенно седые волосы, оттого-то они и имели после окрашивания немного смешной голубоватый оттенок, строгое лицо, в котором не было ничего от моего, тонкие вытянутые в нитку губы, но главное, глаза: какого-то странного цвета, словно выцветшие, они смотрели сурово и даже зло, а я растерялась, и только мамин вопрос вернул меня к действительности:

– Вам кого? – резко спросила она, с явным намерением захлопнуть дверь перед моим носом.

– Мама, – позвала я жалобно, точно пытаюсь избавиться от наваждения, и лишь тогда вспомнила, что я нелепо одета, в дурацком парике, и мама попросту меня не узнала.

– О господи, – пробормотала она испуганно, втянула меня в просторную прихожую и захлопнула дверь. – Анечка, что за странный маскарад?

Я стянула парик, наблюдая за ней. Выражение ее лица изменилось, теперь на нем читалась тревога, и только глаза остались прежними. Она вглядывалась в меня, точно надеясь прочесть мои мысли, затем торопливо обняла меня и прижала к груди, а я удивилась: на первый взгляд она казалась хрупкой и гораздо старше своего возраста, но теперь, прижимаясь к ней, я ощутила силу, идущую от ее костистого тела, к тому же мама была выше меня ростом почти на полголовы.

– Девочка моя, – прошептала она, глядя узкой рукой мою спину. – Как я рада, что ты приехала. Но почему так неожиданно? Идем выпьем чаю. Папа только что уснул, не стоит его беспокоить. Вот он удивится... – «Удивится», а не «обрадуется» почему-то резануло мне слух, и что-то похожее на тревогу, не страх перед теми, кто преследовал меня, а именно тревога шевельнулась в глубине моего сознания и начала расти. – Идем в кухню.

Кухня была небольшой, чистенькой и уютной. Я устроилась на стуле, пытаюсь понять, что меня беспокоит, все казалось неправильным, нереальным, точно мне снился сон и уже во сне я знала, что сплю и все это не взаправду.

– Хочешь чаю?

– Мама, сколько мы не виделись? – спросила я, не зная, с чего начать наш разговор.

– Почти год. – Она вроде бы удивилась. – Почему ты спрашиваешь?

– Происходит что-то странное. Кто-то пытался меня убить, стреляли в Андрюшу, я даже не знаю, жив он или нет. Он не звонил?

– Андрюша? Не звонил. Ты говоришь безумные вещи. Кто хотел убить вас? С какой стати? Андрюша ведь не бизнесмен, он рядовой труженик... Ты ничего не выдумываешь?

– Мама, – позвала я в отчаянии, она поставила передо мной чашку и сказала:

– Ну-ну, успокойся и расскажи по порядку. Нам совершенно некуда торопиться. Ты ведь не на полчаса заскочила?

Я подумала: моя мама была учительницей, и этот тон, и этот пронизывающий взгляд выработан годами, это отметины профессии, и тут же мне в голову пришла другая мысль и так поразила, что я на мгновение лишилась дара речи. Я никогда не любила свою мать. И она тоже не любила меня. Ни сейчас, ни в детстве. Я была любимицей отца и любила его. Он был самым близким для меня человеком: отцом, другом, наставником, кем угодно, и в этой моей любви совершенно не было места для женщины, то есть для матери.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она участливо.

– Где папа? – спросила я.

– Отдыхает. Не беспокой его.

– Я только взгляну.

– Он просыпается от малейшего шума. Честно говоря, мне нелегко с твоим отцом. Пусть спит. Расскажи мне о том, что произошло.

– О чем?

– Да ты меня с ума сведешь. – Ее тонкие брови сошлись у переносицы. – Ты являешься сюда, рассказываешь совершенно нелепую историю... Вы что, поссорились с Андреем?

Я потеряла виски, уговаривая себя, что все это не сумасшествие, я не проснусь от собственного крика и это все взаправду: кухня, мама и я сама.

– Мама, ты слышала, что я сказала: нас пытались убить.

– Разумеется, я слышала. По-моему, это глупость. С какой стати тебя кому-то убивать?

– Я не знаю. Я ничего не помню из того, что было со мной раньше. Я помню день, когда Андрюша выписывал меня из больницы. Я лежала одна в палате, белые шторы на окнах, вошла сестра и сказала: «За вами приехал муж», а потом я увидела Андрюшу. Но это не была больница в Екатеринбурге, потому что из той больницы мы ехали на машине не больше часа, и он привез меня к нам домой. По дороге рассказывал, кто я и что произошло со мной. И от него я узнала, что я Шульгина Анна Ивановна, что мои родители живут в Екатеринбурге, что ты уехала домой, потому что у папы сердечный приступ.

– Да, так и было, – растерянно ответила мама. – Почему ты говоришь, что ничего не помнишь?

– Мама, как же так, если авария произошла в Екатеринбурге, почему я оказалась за сотни километров отсюда, в какой-то больнице...

– Это вовсе не больница, это был санаторий. У тебя были проблемы с позвоночником, и нам посоветовали отправить тебя туда. И мы поехали. Потом папа вернулся домой, чтобы продлить отпуск, и тогда с ним случился сердечный приступ.

– Меня перевезли в санаторий в бессознательном состоянии?

– Нет, конечно. Это было бы попросту невозможно.

– Но я ничего не помню. Совершенно ничего. Ни тебя, ни отца, ни врачей, ни аварию, ни своего имени. Совершенно ничего. Что со мной было и кем я была до одиннадцатого мая прошлого года?

– Невероятно, – нахмурилась мама. – Почему ты раньше мне ничего не рассказывала?

Я что-то ответила, но не мой ответ и даже не то, что говорила мама, занимало меня, а только одна мысль: я сижу в углу, прямо напротив двери в кухню, зажата между столом и холодильником, слева окно, но что толку мне от этого окна, если мы на втором этаже? Мама устроилась рядом, и теперь, чтобы покинуть этот угол, мне придется...

– Я все-таки хочу взглянуть на папу, – пролепетала я. – Не думаю, что он рассердится, увидев меня.

– Конечно, дорогая, я совсем не это имела в виду...

Я поднялась, не дослушав ее, и она вынуждена была подняться и отступить под моим напором.

– Где он?

– В спальне.

– Мама, я не помню, где у нас спальня.

– О господи, идем за мной.

Я вышла в прихожую, узким коридором достигла спальни и распахнула дверь. В кресле в профиль ко мне сидел мужчина, старый, лысый, свет от окна падал на его лицо, а я в ужасе замерла, потом сделала несколько шагов, он повернулся, а я едва не закричала.

– Здравствуй, дочка, – елеиным голосом сказал он, хотя глаза его смотрели с откровенной ненавистью, а я, холодея и цепляясь за тонкую нить здравого

смысла, вдруг совершенно отчетливо и неотвратно поняла: это не мой отец. Этот человек никогда не был моим отцом. Я резко повернулась и увидела глаза матери, она прижалась спиной к двери и исподлобья смотрела на меня.

– Это не мой отец, – чеканя слова, сказала я. – Что вы сделали с моим отцом?

Человек в кресле поднялся, зло хихикнув, а та, что стояла у двери, злобно пробормотала:

– Ты сошла с ума. Разве ты еще не поняла? Ты сумасшедшая. Ты убийца, ты убиваешь в припадке безумия. Тебе нужна помощь. Слышишь? Ты должна лечиться, ты опасна. – Она шипела, слюна скопилась в уголках рта, и оттого, наверное, женщина с бесцветными глазами напомнила мне змею. А тот, что находился сзади, все приближался. И в его походке, поджарой, тренированной фигуре не было ничего от больного старика. Они оба дышали неприкрытой ненавистью и походили на вампиров из дурного фильма ужасов. Не оборачиваясь, я ударила ногой, с удовлетворением отметив, как он взвыл от боли, стремительно развернулась на пятках и ударила еще раз. Женщина отлепилась от двери и бросилась на меня, желтоватые ногти нацелились в лицо, удар кулаком в грудь отбросил ее в сторону, но не остановил; взыв, она бросилась еще раз, левая рука вцепилась в мое лицо, а мне показалось, что это не ладонь, а когтистая лапа. Я ударила ее очень сильно, лицо женщины посерело, она рухнула на колени, взыв не от боли даже, а от отчаяния, я бросилась в прихожую, схватила сумку, и пока доставала пистолет, они оба уже появились в коридоре, двое нелюдей с горящими ненавистью глазами. «Таких не остановить», – с ужасом подумала я, но пистолет в моих руках все же заставил их замереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/ovechka-v-volch-ey-shkure>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)